

Моск. комиссия, 1983, 19 июля
Сегодня исполняется 90 лет со дня
рождения В. В. Маяковского. N166

МАРТОВСКИЙ ДЕНЬ

Галина Дмитриевна Катанян в молодости писала стихи, была журналисткой, певицей. Ее воспоминания читал Корней Чуковский. Вот что он написал автору: «Пишете ли Вы о светлом и радостном, пишете ли о трагическом, Вы всюду изящны, умны, поэтичны.

Вы были достойной его современницей, и я рад, что Вы оказались такая.

И какой у Вас безукоризненный вкус: ни одного лишнего слова, лаконизм предельный.

Горжусь Вашей дружбой...».

Воспоминания Г. Катанян и письмо К. Чуковского публикуются впервые.

Он стоит у книжного прилавка, очень элегантный, в сером пальто и кепи, в углу рта папираса, глаз над ней прищурен. На сгибе руки висит толстая трость.

Катанян знакомит нас и уходит по каким-то своим за книжным делам.

«Волоокий», — думаю я, глядя на красивое, немножко сумрачное лицо.

От сознания, что передо мной Маяковский, я прихожу в такое волнение и замешательство, что совершенно теряю дар речи. Стою дура душой, уши горят, как у гимназистки, которую вызвали к доске, и она не знает урока.

— Да... нет... конечно... — вот все, что слышит Маяковский от своей собеседницы.

Владимир Владимирович пробует так, этак... Наконец находит путь к сердцу молодой матери.

Взяв с прилавка экземпляр «Что такое хорошо и что такое плохо», он говорит, что это его первый опыт работы над детской книжкой.

— Никогда раньше не писал для младенцев.

Надо сказать, что «младенцы» по достоинству оценили труд поэта. В библиотеке моего двухлетнего сына это самая изрисованная, затаканная книжка. Ложась спать, он даже прячет ее в постель, наряду с прочими своими драгоценностями, вроде безухого мишки...

Маяковский смеется. Вынув стило, он делает надпись на книжке и дарит ее мне.

На книжке написано: «Будущему Василию Васильевичу, существу симпатичнейшему, судя по родителям — дядя Володя. Тифлис 1/III—26 г.».

Лед сломан, и мы отправляемся по проспекту Руставели покупать ковры.

— Для моей новой квартиры, — говорит Владимир Владимирович. — Ее уже отремонтировали, и на днях моя семья переезжает на новую квартиру.

Стоит весенний, солнечный, полный теплого ветра день. Маяковский дарит мне большой букет цикламенов и заботливо обертывает стебли своим носовым платком:

— Чтобы не промочить лапы...

Мы идем, разговаривая, останавливаясь у витрин, заходя в магазины. Ковров мы не купили, нет подходящих размеров, нужны очень маленькие. Через год, попав в крошечную квартирку в Гендриковом переулке, я поняла, почему нужны были такие маленькие ковры.

В четырех очень чистых и светлых комнатках, в тесных передней, кухоньке и ванной не было ни одной лишней вещи. Все, как на военном корабле, было приспособлено так, чтобы занимать как можно меньше места. Даже в стоящем в простенке между двумя окнами буфетике с застекленным верхом чашки не стояли, а висели на крючках по стенкам буфетика. Не только большой, но и средней величины ковер не поместился бы ни в одной из этих маленьких комнат.

В каком-то магазине мне понравились вышитые носовые платочки.

— Будьте так добры, — говорит Маяковский продавщице, — дайте сюда все носико-

вые платочки, какие есть в вашем магазине.

Гора коробок вырастает на прилавке.

Вероятно, я была бы обеспечена носовыми платками до конца своих дней, если бы не вспомнила, что дарить носовые платки — плохая примета. Я отчаянно протестую и привожу этот довод.

— Мы поссоримся, — говорю я.

— А если вы мне дадите двадцать копеек?

— Против такой-то уймы платков?

Маяковский с видимым сожалением отказывается от возможности завалить меня носиковыми платочками. В следующих магазинах я веду себя осторожнее и ничего не хвалю.

Потом мы заходим в знаменитые «Воды Лагидзе», и, пока сидим за столиком, я рассказываю Маяковскому, как пятнадцати лет от роду, во времена меньшевистского господства в Грузии, я стала издательницей. Книги из Советской России попадали в Грузию редко, контрабандой, и если уж удавалось раздобыть томик стихов (издавала я только поэтов), я переписывала все целиком в толстые тетради, которые таскала у отца, большого любителя хороших канцелярских принадлежностей. Издательство называлось «Стелла Марис», на обложке я приклеивала каллиграфически выполненное название книги и издательства, на последней странице, где обычно помещаются выходные данные, писала «тираж 1 экз.».

Маяковский смотрит на меня с веселым любопытством.

— Кого же вы издали?

— Блока, Ахматову, Сашу Черного, Маяковского «Все сочиненное...».

— Блистательные поэты.

Он вспомнил об этом разговоре незадолго до своей смерти, когда я в течение нескольких часов помогала ему размещать экспонаты на его выставке.

Объясняя мне, что на какой стенд пойдет, он вдруг спросил, целая ли тетрадь с переписанным «Все сочиненное...».

— Давно пропала. Да на что она вам, Владимир Владимирович?

— Был бы еще один экспонат...

ВЕЧЕРОМ он выступает в драматическом театре им. Руставели. Выйдя из-за кулис, он быстро проходит на авансцену и обращается к публике с приветствием на грузинском языке. Восторженные аплодисменты раздуются в ответ.

Держится на сцене он необычайно свободно и непосредственно.

После доклада, в антракте, Маяковский выходит в фойе и встает у стола, где продаются его книги. Толпа немедленно окружает его. В несколько минут расхватывают все, что лежало на столе. Маяковский надписывает книги, отпуская шутки по-русски и по-грузински. Увидев меня, он берет маленькую желтую книжку и, быстро написав, протягивает мне ее через головы окружающих.

Очень размашисто, карандашом на книжке написано: «Катаньянихе. Тифлис. 1/III—26».

Галина КАТАНЯН.